

КОНЦЕПТ «СМЕРТЬ» В ПОСЛОВИЧНЫХ ТЕКСТАХ

В статье на материале паремиологических единиц раскрываются особенности концепта «смерть» и описываются его составляющие: сценарий ухода, гештальт души, «атрибуты» смерти, смысловая ассоциация со сном и т.д. Концепт «смерть» раскрывается через категорию цвета – белого и черного, а также через понятия «пространство» и «время». На основе анализа русских пословиц выявляется отношение к смерти, закрепленное в сознании народа.

Черты народного мировоззрения запечатлены в пословицах. Пословичные тексты, представляя собой паремиологическое пространство, отражают в своей семантике длительный процесс развития культуры истории, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные сведения, установки и стереотипы.

Под паремиями нами понимаются, вслед за Л.Б. Савенковой, вторичные языковые знаки – «замкнутые устойчивые фразы (пословицы и поговорки), являющиеся маркерами ситуаций или отношений между реалиями» [16, 3]. В последние годы паремии становятся все более значимым источником изучения культуры народа.

В настоящее время вышло много работ, посвященных изучению паремиологии как отражению русского национального самосознания. К ним относятся работы В.Н. Телия, В.А. Масловой, С.Г. Воркачева, Л.Б. Савенковой и др. Но работ, которые бы на материале пословиц и поговорок раскрывали особенности различных концептов, в частности концепта «смерть», недостаточно, поэтому данная проблема является актуальной.

Цель нашей работы заключается в том, чтобы изучить концепт смерти, возникающий в пословичных текстах. Объектом нашего исследования стали русские паремиологические единицы, выявленные путем сплошной выборки из словарей В.И. Даля, В.П. Жукова и др. Предмет исследования – паремии с тематикой смерти и погребальных обрядов.

С позиции когнитивной лингвистики можно по-новому взглянуть на языковой материал, который отражает представление о смерти, закрепленное в сознании русского народа. Для того чтобы оперировать терминами данной науки, необходимо указать на то,

чью концепцию мы берем за основу, т.к. единого подхода в лингвистике нет.

Рассмотрение отношения к смерти как одного из аспектов мировоззрения русского народа связано с процессом концептуализации. Языковая концептуализация – это духовно-вербальное восприятие и освоение человеком окружающей действительности. Языковая концептуализация как ментальная и лингвистическая проблема в основе своей содержит теорию концептов.

Проблема концептов опирается на сознание, мышление и отражательные функции мозга. В Лингвистическом энциклопедическом словаре представлено следующее определение концепта: «Понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в несколько иной системе связи; значение в системе языка, понятие в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [12, 87]. В целом в современной теории концептов отмечаются тенденции многоаспектного осмысления термина и понятия концепт.

Базовое значение концепта В. Зусман видит в двух смыслах: «общая идея некоего ряда явлений в понимании определенной эпохи и этимологические моменты, проливающие свет на то, каким образом идея зачинается во множестве конкретных значений» [10, 12]. Автор рассматривает концепт как структуру понятий, связанных ассоциативно и логически.

Д.С. Лихачев определяет концепт как «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [13, 4]. Ученый использует психологический подход к пониманию концепта, трактуя его с точки зрения отдельного носителя языка. Концепты, согласно автору, «воз-

никают не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом» [13, 6]. В связи с этим концептосфера национального языка тем богаче, чем богаче вся культура нации. Таким образом, содержание концепта включает как соответствующие значения, так и совокупность ассоциаций, оттенков, связанных с личным и культурным опытом носителя.

А. Вежбицкая предлагает рассматривать «Концепты как инструменты познания внешней действительности, которые должны быть описаны средствами языка в виде некоторых объяснительных конструкций» [2, 33]. По А. Вежбицкой, концепты обладают этноспецификой.

В.Н. Телия под концептом понимает совокупность всех характеристик данного реального объекта, в отличие от прототипа, который соотносится с типовым представлением об обозначаемом. Таким образом, В.Н. Телия не ограничивает содержание понятия «концепт» набором существенных признаков, а включает в него все признаки объекта, трактуя концепт как «знание, структурированное во фрейм» [18, 95].

Ю.С. Степанов считает, что эти ментальные образования (концепты) – прежде всего явления духовной культуры, представляющие собой «сгустки культурной среды в сознании человека» [17, 40]. Концепты он трактует как основную составляющую культуры в ментальном мире человека. Такое понимание можно назвать культурологическим.

Итак, рассмотрев разные теории концепта, мы можем сделать вывод, что он представляет собой совокупность представлений, понятий, знаний, ассоциаций, относящихся к какому-либо явлению.

Термин «гештальт» в лингвистических исследованиях в настоящее время еще не получил своего точного определения. Существует несколько подходов к осмыслению данного понятия. В концепции Дж. Лакоффа гештальт определяется как «когнитивная структура, организующая мыслительные, перцептуальные, моторные и языковые процессы деятельности человека» [11, 151]. Сам автор в своем подходе говорит о «неопределенности» этого понятия и отсутствии четко

сформулированной теории. В лингвистическом аспекте гештальт в понимании Дж. Лакоффа предстает как «способ оязыковления смысла спонтанно для говорящего и способ осмысления языковой формы интуитивно-рационально – для слушающего» [11, 152]. Другими словами, автор рассматривает гештальт как структуру, позволяющую в процессах речепорождения или восприятия соотнести языковое выражение и экстралингвистическую информацию.

В отечественных исследованиях, выполненных в рамках когнитивной лингвистики, под гештальтом понимается особый тип концепта, представляющий высший уровень мыслительной абстракции – «целостный образ, совмещающий чувственный и рациональный элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [1, 45]. Данный подход развивает идею Дж. Лакоффа об участии гештальта в речемыслительной деятельности человека, поскольку основной функцией данной структуры признается способность обобщать или упорядочивать многообразие отдельных объектов или явлений в сознании индивидов.

В современных исследованиях встречается широкое понимание термина гештальт, под которым подразумеваются образно-ассоциативные связи, т.е. «редуцированные, размытые образы, всплывающие на поверхность сознания при предъявлении выражения, содержащего намек на них в виде внутренней формы или другого рода мотивации» [19, 59]. Нам наиболее близка теория В.Н. Телия. Вслед за лингвистом мы понимаем под гештальтом языковую структуру как символ, вызывающий в сознании ассоциативные образы. В этом случае методология экспликации гештальта основывается на буквальном прочтении слов, употребленных в переносном значении.

В системе понятий когнитивной лингвистики нас будет интересовать также термин «сценарий». Под данным когнитивным аналогом текста понимают структуру представления знаний, которая обеспечивает хранение знаний в памяти индивида и быструю обработку текста при его понимании и продуцировании.

Сценарий обычно связывают не с языковыми факторами, а с психическими: «Сценарий представляет собой набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий» [15, 112]. Для данного типа когнитивной единицы является характерной ее структурированность и способность представлять стереотипную информацию о некоей ситуации. Сценарий связан с выражением динамики развития событий. Итак, анализ лингвистических концепций позволил нам определить сценарий как набор единиц низшего уровня, раскрывающий последовательность стереотипных событий.

Как мы определили, концепт существует в культурно-историческом пространстве и раскрывает менталитет народа. Концепт «смерть» – бытийно-культурное образование, определяемое языком и складом мышления, типом мировосприятия народа.

Отношение к смерти в сознании русского народа формировалось, с одной стороны, под влиянием язычества, а с другой стороны – христианства. Как пишет М. Забылин, «когда принятая религия вступила в свои права, тогда изменился прежний строй и быт народов, и борьба завязалась между одряхлевшем язычеством и христианством по поводу нового вероучения» [9, 281]. В отношении русского народа к смерти просматривается как первобытный суеверный страх, так и религиозное восприятие.

Люди рассматривали смерть прежде всего как нечто неизбежное, с чем нужно смириться: *Перед судьей, да перед смертью замолчишь; Как ни вертись, а в могилку ложись; От смерти ни отмолишься, ни открестись; Смерть не свой брат, разговаривать не станешь*. Анализ данных фразеологизмов позволяет говорить о смерти как о силе, независимой от человека. Фразеологическую единицу *От смерти и под камнем не укроешься* можно рассматривать в двух планах: в смысловом аспекте смерть представляется как нечто неизбежное, если же рассматривать языковую единицу в аспекте когнитивной лингвистики, то возникает зримый образ смерти. Смерть в данной единице представляется как некая стихия, лишаящая человека жизни, от кото-

рой невозможно укрыться даже под камнем. Таким образом возникает концепт «смерть», т.е. совокупность представлений и ассоциаций, в которых совмещаются чувственные и рациональные элементы. Основное значение рассматриваемых фразеологизмов с компонентом *смерть* – неизбежность. Неизбежность влечет за собой необходимость покорения. Мотив смирения перед неизбежным концом отражен в следующих фразеологизмах: *Всем там быть: кому раньше, кому позже; И то будет, что нас не будет*.

Смерти не избежит никто: *И пономарь, и владыка в земле равны; Царь и народ – все в землю пойдет; Придет время, все лягут в могилку; Смерть всех сравняет; На всех одна смерть*. Перед лицом смерти все равны. Положение, звание, чин теряют значение в ее глазах, что подчеркивается компонентом *все* в данных поговорках.

Не только статус утрачивает смысл. Смерть, в представлении народа, все переворачивает и делает значимое при жизни бессмысленным: *Что копали, того не заберем, а о чем не пеклись, то с собой понесем; Умрем, ничего с собой не возьмем; Много бы взял да не надобно*. Ненужными становятся материальные блага, добываемые человеком в течение жизни. Поэтому, как свидетельствует народная мудрость, не следует забывать о подлинных ценностях, которые и в глазах смерти будут весомыми. Такой ценностью для русского человека является духовная сторона жизни, доброта и милосердие. Этот факт подтверждают и пословица: *Жизнь дана на добрые дела*. Для доброго человека смерть не страшна, т.к. после нее он остается жить в памяти людей: *Злому смерть, а доброму воскресение; Смерть злым, а добрым вечная память*. Данные фразеологизмы выражают смысл: смерть ждет только злого, а доброго – вечная жизнь. Антиномия добро – зло представлена в аспекте жизни и смерти: зло – смерть, добро – жизнь.

В языке целый ряд пословиц и поговорок обладает тематикой философского отношения к смерти: *Не на живот рождаемся, а на смерть; Кабы люди не мерли – земле не сносить; Кабы до нас люди не мерли, и мы бы на тот свет дороги не нашли*. В семантике этих паремииологических единиц обнаруживается

причина смерти и даже ее цель. Во-первых, люди рождаются для того, чтобы умереть, во-вторых, на земле не хватило бы места для всех рожденных и рождающихся, в-третьих, смерть согласно христианским представлениям – это переход в иной мир. Рассматриваемые пословицы раскрывают понятие смерти через такой параметр, как естественные законы бытия. Речь идет о неизбежном наступлении смерти: *И всяк умрет, как смерть придет.*

Отношение к смерти выражается и в пословицах: *Смерти бояться – на свете не жить; Когда будем помирать, тогда будем горевать.* Данные паремии призваны успокоить человека, помочь ему смириться с расставанием с бесценной жизнью. А она действительно бесценна, и как бы ни была тяжела жизнь, она все же лучше смерти: *Жить тяжело, да и умирать нелегко; Лучше б век терпеть, чем вдруг умереть; Жить – мучиться, а умереть не хочется; Как жить ни тошно, а умирать тошней.*

Ассоциативное поле концепта «смерть» пополняет понятие «страх». Несмотря на понимание неизбежности конца жизни и смирение с ним, люди боятся смерти: *Живой смерти не ищет; Всякий живот смерти боится; Жив человек смерти боится.* Чувство страха в данных языковых единицах выражается глаголом «бояться». Причем, как свидетельствуют пословицы и поговорки, страшна только близкая смерть: *Видимая смерть страшна; Умереть сегодня страшно, а когда-нибудь – ничего.*

Анализ паремиологических единиц показывает, что страх перед смертью обусловлен двумя причинами. Во-первых, конец жизни – это необратимое явление. Смерть не дает человеку возможности вернуться в жизнь, по-настоящему наслаждаться ею, начать все заново, исправить ошибки. Русская пословица говорит: *Живешь – не оглянешься, помрешь – не спохватишься.* Процесс гибели страшен тем, что он необратим: *Ленивого дошлешься, сонливого добудишься, а мертвого не дозовешься.* Параллель в этом фразеологизме между ленивым, сонливым и мертвым показывает пропасть между ними, которую создает смерть. И сколько бы ни было отведено человеку, этого мало: *Вволю наешься, а вволю не наживешься; на век не наешься, перед смертью*

не наживешься; Жили с локоть, а жить с ноготь; Не в гору живется, а под гору. Данные пословицы содержат имплицитное представление о времени. Ценность каждой минуты жизни подчеркивается выражением *вволю не наживешься*, т.е. вдоволь, досыта не насладишься жизнью. Жизнь уже прожитая сопоставляется с локтем, а еще не прожитая – с ногтем. Образное сравнение размеров локтя и ногтя позволяет сопоставить отрезки времени. Большая часть жизни (*локоть*) позади, меньшая (*ноготь*) впереди. Данная пословица интересна и тем, что в ее составе выделяются национально маркированные компоненты, с помощью которых пословицы отражают национальную культуру [3, 77]. Локоть, согласно В.И. Далю, «...вся часть руки от сустава до запястья, состоящая из двух костей, лучевой и локтевой./ Одна последняя, которая кончиком своим огибают катушку плечной кости и образует самый угол сустава./ В виде меры, длина от угла этого до конца среднего песта, около 14 вешков» [6, 314]. В пословице локоть выступает как мера значительно большая по сравнению с мерой, выражаемой словом «ноготь».

Временная категория в паремии *Не в гору живется, а под гору* выражается через понятие скорости. В гору путь труден, поэтому не быстр, а скорость спуска с горы значительно больше, поэтому время жизни во фразеологизме сопоставляется со спуском с горы.

Итак, первая причина страха смерти в сознании людей кроется в необратимости данного процесса. Вторую причину следует искать в религиозном сознании народа.

Веками русское национальное сознание было связано с православием. Отсюда и такая глубокая черта русского характера, как религиозность. В языке нашли отражение все христианские верования. Считается, человек после смерти не погибает: *Земной быт – не всему конец.* В русском народном сознании смерть – это переход из одного мира в другой. Данное представление выражается на уровне языка. Рассмотрим паремии, отражающие один из погребальных обрядов: *При кончине человека ставят воду на окно, чтоб душа обмылась; Покуда покойник в доме, ставить чашечку водицы на переднее окно, на обмылку души.* В данной языковой единице при-

существует слово *душа*, в котором сконцентрированы христианские верования. Считалось, что душа после смерти человека не сразу покидает землю и отправляется на божий суд: *Душа умершего шесть недель живет на земле*. Точное указание на срок, во время которого душа «привязана» к земле, мы встречаем и в другой поговорке: *После смерти покойника шесть недель стоит на окне стакан воды, а на углу избы снаружи вывешено полотенце (душа шесть недель витает на земле, до поминок, купается и утирается)*. Как видим, понятие души материализуется в сознании народа, поэтому мы можем говорить о гештальте души как образе, воплощенном в физической категории. Актуализаторами данного гештальта выступают глаголы *живет, купается и утирается*. Душа отождествляется с человеком, который совершает эти действия. Сам процесс омовения души имеет глубокий смысл в христианской концепции. Во-первых, он напоминает обряд крещения, также связанный с омовением. Во-вторых, душа обмывается, чтобы стать чистой, т.е. освободиться от грехов. Компонент поговорки *купается* возникает на основе метафорического переноса и имеет значение «очищение от грязи нарушенных запретов».

В наивной картине мира носителя русского языка важно неразрывное единство души и тела. Тело может восприниматься как «вместилище души» [20, 530]. В паремии *Что телу любо, то душе грубо* обнаруживается противопоставление *души* как духовной составляющей человеческой личности *телу* как центру плотских желаний. За содеянное «телом» отвечает душа: *Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти*. Гештальт души в данной поговорке актуализируется благодаря глаголу *идти*. *На ответ идти* значит «расплачиваться за грехи». Гештальт души связан с мотивом расплаты.

После смерти душа покидает человека и переходит в иной мир: *Никто не увидит, как душа выйдет*. Анализ данной паремии и ряда других позволяет выделить сценарий перехода человека из одного мира в другой, что составляет суть христианской концепции. Данный сценарий актуализируется благодаря глаголу *выйдет*, который используется в значении «покинуть какое-нибудь место» [14,

113]. В семах глагола заложено представление о переходе из одного места в другое, составляющее суть выявленного сценария. Фразеологические и паремиологические единицы, раскрывающие понятие смерти как перехода из одного места в другое, распадаются на несколько семантических групп. Первую составляют языковые единицы со значением «уход из земной жизни»: *уходить / уйти из жизни, отправляться / отправиться на тот свет, кончить жизнь, окончить свои дни, скончать свой век* и др. Данные фразеологизмы строятся на основе тропеического осмысления (метафорического и метонимического переноса). Они передают значение смерти, хотя в своем составе не имеют одноименной лексемы, кроме того, во многие из них входит компонент «жизнь». Смерть же является, с одной стороны, конечной точкой жизни человека, а с другой стороны, начальной точкой нового пути, что объяснимо с позиции этимологии: дуализм в слове «конец» содержится изначально. Этимологи связывают «конец с древнерусским «поконъ» – начало, обычай» [19, 310].

В следующих семантических группах со значением смерти как ухода происходит конкретизация места прибытия. Так, вторая группа фразеологизмов и паремий содержит лексему «Бог»: *отдавать / отдать Богу душу, Бог души не вынет, сама душа не выйдет*.

Единицы третьей группы указывают на то, что душа человека переходит в вечность: *отходить / отойти в вечность, отойти к вечному блаженству, отправиться на небо, отправляться / отправиться к праотцам, отойти (скрыться) в горный мир, дать дуба*. Данные фразеологизмы имеют в своем составе лексему «вечность» («вечный») и лексемы, с ней связанные, «небо», «горный мир», «праотцы», «дуб». Чтобы раскрыть значение данных фразеологических единиц, нужно обратиться к их этимологии. Небо, гора, дуб – традиционные, тесно связанные друг с другом образы индоевропейской мифологии, согласно которой существовали два центра мировых цивилизаций. Первый – гора Миру – ось мира, соединяющая небо и землю, место обитания верховных богов, центральная точка бесконечного космоса. Второй – гора Памир – могила праотцов, место обитания душ умерших родственников [7, 53]. Небо в славян-

кой мифологии олицетворяет собой Вселенную, дуб выступает в качестве аналога мирового дерева и потому является проводником между тем и этим светом. На этих основаниях перечисленные фразеологизмы объединены в одну группу.

Четвертая группа имеет значение «в лучшую жизнь»: *уходить / уйти в лучший мир, отойти в лучшую / будущую жизнь*. Загробная жизнь согласно христианским представлениям – лучшая жизнь, а пребывание на земле – это испытательный срок для человека. Пространственный локус лучшего мира может конкретизироваться: *На этом свете помучаемся, на том порадуемся*. Представление о двух мирах отражено в поговорках: *Отправиться на тот свет; На сем свете мы в гостях гостим*. Два мира в народном сознании – это два реальных, физических пространства – *этот* и *тот свет*, которые ассоциируются с небом (*Царствие Божье, Небесное Царство*) и землей (*грешная земля*). Таким образом возникают более конкретные пространственные локусы – *небо* и *земля*. При этом согласно пословице этот мир несет муки (*на этом свете помучаемся*), а тот – радость (*на том порадуемся*).

Анализ погребальной паремиологии и фразеологии с компонентом *душа* в аспекте когнитивной лингвистики позволяет говорить о смерти как сценарии ухода. В пословичном тексте *Коли тут життя нет, так жди перевода на тот свет* сценарий ухода возникает благодаря лексеме *перевод* в значении «перемещение из одного места в другое» [14, 501]. Смысловая связь понятий *смерть* и *переход* раскрывается в пословице: *Живому нет в земле места, а на небо крыл*. Пока человек жив, местом его пребывания является земля, а после смерти – небо. В рассматриваемой языковой единице слово *крылья* ассоциируется с перелетом как видом перемещения. Живой человек не обладает возможностью такого перемещения, только смерть дарует ему крылья.

Согласно христианской концепции душа человека не погибает, а *переходит* в рай или в ад в зависимости от того, праведную или грешную жизнь он вел на земле. Отсюда и выражения – *бессмертие души; Тело в тесноту, а душу на простор; Что припасла душа, то и*

на тот свет понесла. Один из важнейших признаков гештальта души – бессмертие, которое позволяет ей продолжить существование после гибели тела. Определяет место нахождения души после смерти Суд Божий: *На Суде Божьем право пойдет направо, а криво налево*. Фразеологизм *спасти свою душу* значит стремиться попасть в Царствие Божие, спастись от вечных мук ада. Этого невозможно достичь, если *брать грех на душу*. Пословица говорит: *И рад бы в рай, да грехи не пускают*. Если совесть человека отягощена грехами, то ждет его ад после смерти. Поэтому о душе своей нужно помнить всегда, т.к. многие пословицы напоминают человеку, что смерть рядом: *Смерть распахом берет; Сегодня на ногах, а завтра в могиле*. Приближение смерти измеряется во временном аспекте, т.е. в днях и часах: *Не живем, дни провожаем; День к вечеру – к смерти ближе; Час от часу, а к смерти ближе*. Ряд пословиц указывают на близость смерти в пространственном аспекте: *Бойся Бога: смерть у порога; Смерть не за горами, а за плечами; Рубаха к телу близка, а смерть ближе*. В данных паремиях ощущение близости смерти идет по нарастающей: *у порога, за плечами, ближе рубахи* на теле.

Жизнь человека в руках Бога: *Живи, покале господь грехам терпит; Бог души не вынет, сама душа не выйдет*. В первой из этих пословиц отражено представление о грехах. Предел грешной жизни человека определяется мерой терпения Бога. Во второй пословице подчеркивается такой момент, смерть – это расставание души и тела, процесс, который совершается по воле Бога. Если в этих языковых единицах отражена христианская концепция, то многие другие – это сплав языческих представлений. Так, во многих фразеологизмах смерть олицетворяется: *И всяк умрет, как смерть придет!* В данной паремии образ смерти строится на олицетворении и выражается в использовании глагола *придет*. О тяжело больном человеке говорили: *В нем смерть уже гнездо свила*. Эта языковая единица рисует смерть, как страшную птицу, выбирающую свою жертву. В поговорке *Курносая со двора потурила* создается зрительный образ – *курносая*. В представлении народа смерть ассоциируется с курносой старухой в белом одеянии с косой. Итак, концепт смерти составля-

ют зрительные образы – курносая старуха с косой, птица.

В следующей анализируемой паремии смерть также олицетворяется: *Не ты смерти ищешь, она сторожит*. Она сравнивается со сторожем, готовым в любой момент забрать жизнь. Поэтому к смерти нужно быть готовым: *Жить надейся, а умирать готовься!; Смерть на носу, а будь на кресту; Живи, живи, да и помирать собирайся*. Быть готовым к смерти значит, с одной стороны, помнить о спасении своей души, т.к. *Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает*, потому что *Никому не ведом час страшного суда*. С другой стороны, быть готовым к смерти значит сделать для себя последнее пристанище. Мы узнаем об этом из пословиц: *Бойся, не бойся, а гроб теши; Избу крой, песни пой, а шесть досок паси! Дом строй, а домовину ладь!* Данные поговорки отражают существовавший у русских обычай готовить задолго до смерти себе гроб – «домовину» или «домовище» – и хранить его в укромном месте. Отголоски этого обычая сохраняются до нашего времени. Некоторые пожилые люди готовят себе на смерть специальную одежду. Сейчас это покупная одежда и обувь. А раньше, как пишут исследователи, «смертную» одежду шили из белого холста суровыми нитками без узлов, обязательно иголкой от себя» [4, 281]. Обычай шить на покойника *вперед иголкой* связан с представлением, что если шить иначе, то пострадает кто-нибудь из семьи. Для смертной одежды характерен, как правило, белый цвет, что подтверждают фразеологизмы: *белый саван, белые тапочки*. Если рассматривать концепт смерти с точки зрения цвета, то мы можем говорить о двух цветах – белом и черном. Белый – цвет смерти (*бледен как смерть*), черный – цвет траура (*траурная одежда*).

Понятие смерти в пословицах и фразеологизмах представлено не только через мотив ухода, ее атрибуты играют в концепте важную роль. Так, значением смерти как конца жизни обладают следующие единицы: *сходить / сойти в могилу, ложиться / лечь в гроб, сыграть в ящик*. Лексемы «могила», «гроб» в сознании носителей русского языка тесно связаны со смертью. Пополняет концепт «смерть» ассоциация со сном. Во многих пословичных и фразеологических текстах смерть рассматривается как вечный сон: *беспробудный сон, могильный сон, заснуть вечным (последним) сном, уснуть вечным (непробудным) сном*.

Обратимся к фольклорным текстам и попытаемся выяснить, как в них создается образ смерти. Нас будут интересовать тексты причитания по покойному, или голошение. Голошение – это печальная песня потери. Пословица говорит: *Голоси всяк по своему покойнику, а плакуша по всем*. На похороны нередко приглашали плакуш, специальных плакальщиц, знающих множество красивых и уместных плачей. Словарь В.И. Даля фиксирует отрывки плача: *На кого ты нас покидаешь, кому ты нас поручаешь?; Али мы тебя не любили, али чем прогневали?; На кого, кормилец, покидаешь, кому приказываешь, оставляешь?* Мы видим, что в отрывках плача смерть также представлена как уход человека. Сценарий перемещения реализуется в текстах благодаря глаголам *покидаешь, оставляешь*. В народном сознании тождественными оказываются два понятия: *смерть = уход*.

Итак, концепт смерти, возникающий в пословичных текстах и закрепленный в русском языковом сознании, включает в себя отношение к смерти (*страх, неизбежность, смирение*), образ смерти (*курносая старуха с косой, птица, сторож*), сценарий ухода из одного мира в другой.

Список использованной литературы:

1. Болдырев, Н.Н. Диалектные концепты и категории [Текст] / Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов // Филологические науки. – 2006. – №3. – С. 41 – 50. С. 45.
2. Вежицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежицкая. – М.: РАДД, 1999. – 212 с. С. 33.
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, 1990. – 324 с. С. 77.
4. В круге жизни: семейные праздники, обычаи, обряды [Текст] / – Пермь: ОНИКС, 2003. – 373 с. С. 281.
5. Даль, В.И. Пословицы русского народа [Текст]: в 3 т. / В.И. Даль. – М.: АСТ, 1996.
6. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В.И. Даль. – М.: Прогресс, 1994.
7. Демин, В.Н. Тайны русского народа: В поисках истоков Руси [Текст] / В.Н. Демин. – М.: Русская культура, 1997. – 306 с. С. 53.

8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок [Текст] / В.П. Жуков. – М.: Астрель, 2000.
9. Забылин, М. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия [Текст] / М.: Забылин. – М.: НИКА, 1997. – 296 с. С. 281, 290.
10. Зусман, В. Концепт в системе гуманитарного знания [Текст] / В. Зусман // Вопросы литературы – 2003. – №2. С. 12.
11. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем = Metaphors We Live by [Текст] / Джордж Лакофф, Марк Джонсон. – М.: УРСС, 2004. – 254 с. С. 151
12. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] – М.: АСТ, 1990. – 578 с. С. 344.
13. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д.С. Лихачев // Известия РАН. СЛЯ – 1993. – №1. С. 4 -6.
14. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка. / С.И. Ожегов, Н.Ю Шведова. – М.: Азбуковник, 2002. – 944 с. С. 113, 501.
15. Пиотровский, Р.Г. Инженерная лингвистика и теория языка [Текст] / Р.Г. Пиотровский; АН СССР. Научный совет по теории советского языкознания. Институт языкознания – Л.: Наука, 1979. – 257 с. С. 112.
16. Савенкова, Л.Б. Русские паремии как функционирующая система [Текст] / Л.Б. Савенкова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. – 256 с. С. 3.
17. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры [Текст] / Ю.С. Степанов – М.: Астрель, 1997. – 756 с. С. 40
17. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 273 с. С. 95.
18. Телия, В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – 270 с. С. 59.
19. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. / П.Я. Черных. – М.: Русский язык, 1999.
20. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А.Д. Шмелев. – М.: НИКА, 2002. 231 с. С. 56.